

Преданный слуга

(Робинзон и Пятница)

Избегнув, наконец, господней властью
И океанской, и живой напасти,
Вернулся Крузо к дому своему
(Прямое доказательство тому,
Что крепкий лоб и стойкое раденье
Весьма созвучны с волей Провиденья);
И в свой черёд, в стремленье неустанном,
Присущем, к сожаленью, англичанам,
Спасти и осчастливить всё вокруг,
Желая обеспечить верных слуг,

В изгнание из островного рая
Взял Пятницу с собой и попугая.

Ну птице-то, положим, всё равно,
Покуда есть поилка, и зерно,
И повод щегольнуть нарядом райским –
Прогулка в церковь на плече хозяйском,
Где хриплый попкин голос поражал
Воображенье добрых прихожан.
Она по-женски рассуждала здраво:
Там хорошо, где корм, почёт и слава.

Но Пятница – совсем другое дело.
Туземец смуглый, робкий, неумелый,
С десятком еле выученных фраз –
Представьте, каково ему сейчас!
Точь в точь как Робинзон во время оно,
Он выброшен на берег Альбиона;
Как из пещер, к нему из всех дверей
Несётся рой уродов-дикарей,
Кошмарных бледноглазых ротозеев,
Топорщит патлы, фыркает, глазеет;
Гогочет люд, до новизны охоч:
А он один – и некому помочь.

Нет, лучше б он, как Крузо, был судьбою
На дальний берег выброшен с прибоем,
Чтоб надо было строить, шить, варить,
Плести корзины, диких коз доить,
Рыбачить по утрам в лодчонке утлой,
Печь хлеб, чинить одежду, обувь, утварь,
И день за днём свой обживая дом,
Ум занимать спасительным трудом.

Ему б найти, как Робинзону, дело,
Чтоб мысль не сохла, сердце не ржавело,
Чтоб обратить чужое время вспять,
не спиться, и себя не потерять,
И средь цивилизованного скотства

Сберечь души дикарской благородство;
Взамен льняному грубому холсту
Скроить себе по мерке наготу,
Не увязая в липкой яви новой,
Твердить легенды племени родного,
Чтоб вызвать из толпы чужих теней
Тень юной смуглой матери своей,
И, как дитя, к её груди прильнуть,
Пред тем, как помолиться и уснуть,
И, просыпаясь в застланной постели,
Под крик и ругань плотницкой артели,
Под скрип телег, да колокольный звон,
Упорно помнить - всё, чего лишён:
И хижины, сомлевшие от зноя,
И вдоль лагун скользящие каноэ,
И перья облаков в бездонном небе,
И дым костров, и беззаботный щебет
Детей весёлых, голых и босых;
Вновь ковыряя вилкой тухлый сыр,
Припомянуть бататовую кашу,
Сплетенье смуглых пальцев в общей чаше,
И стон врага, что так ласкает слух,
И человечьей плоти сладкий дух.

Он так старался! но увы, напрасно:
Истаивая в образах неясных,
Далёкий мир, текуч, неуловим,
рассеивался в памяти, как дым,
Британия ж всё ближе подступала
И с жадным упоеньем каннибала
Вгрызалась в сердце, плоть и естество,
И пожирала прошлое его.

Лет через пять, по правде говоря,
Никто б не угадал в нём дикаря:
Ну, смугловат, ну взгляд слегка печален,
А в остальном отличный англичанин,
Умыт, побрит, напудрен, окрещён,
И шляпа есть – чего же вам ещё?

Слуга отменный, самой высшей пробы:
Учтив без фамильярности особой,
Услужлив без угодливости низкой,
Поладит и с кухаркой, и с модисткой,
Не станет ни артачиться, ни льстить,
Смекнёт, кого прогнать, кого впустить,
Подаст к столу, нарежет и нальёт,
И даст лакеям наглым укорот.

К тому же, для приятности досуга,
Хозяин прикупил ему супругу:
Мулатка, плутовата и бойка,
На Пятницу взирала свысока
И долго на судьбу была сердита
За мезальянс с чумазым троглодитом.
Но понемногу всё пошло на лад:
Он был с ней ласков, щедр – не муж, а клад,
Притёрлись, обжились на новом месте,
И вот уж наш дикарь - отец семейства,
Почтенный мещанин, накоротке
С первейшими умами в городке.
К нему за стойкой подвигались ближе:
Авось подскажет, что за курс на бирже,
Помирятся с французом или нет,
И устоит ли новый кабинет.
Шептались, что он вхож в любые двери,
И что у Крузо он в большом доверьи,
И фирма процветает оттого,
Что при дворе есть связи у него.

Так он и жил – вдали родного края;
Изгнанию конца уже не чая,
Сперва смирился, а потом привык,
Втянулся в чуждый быт, уклад, язык.
Но все ж во взгляде нашего героя
Мелькало что-то странное порою,
Невольный блеск, внезапный, как стрела:
Надежда? Нет – надежда умерла,

Но в памяти иссохшей и усталой
Тень прошлого никак не угасала.

Случилось так: пустившись в путь по делу,
(На мель одна из шхун с размаху села
Недалеко от белых кентских скал)
Слугу с собой в поездку Крузо взял,
И под конец, устав с дороги скверной,
Остановился в маленькой таверне.
В ночь заштормило. Отхлебнувши грогу,
Хозяин поворочался немного
И вскоре вновь уснул без задних ног —
А Пятница заснуть уже не смог.
Почуяв в грозном рёве урагана
Забывтый зов родного океана,
Призыв, заполонивший всё кругом,
Он встал, оделся и почти бегом
По сонным площадям и переулкам
Спустился к взморью. Яростно и гулко
Прибой утюжил берег намывной,
Сверкающий рассветной белизной;
И в натиске упорном вал за валом,
Сверкая пеной, рушился на скалы.

И вдруг, впервые после долгих лет,
Он на песке увидел чёткий след:
Любой дикарь, что по такому следу
Мог опознать врага или соседа,
Вмиг понял бы, что здесь прошла нога,
Которая не знала сапога.
А Пятница, хоть и сточило время
Всё то, чему его учило племя,
Умел, как и положено ловцу,
Читать по следу, словно по лицу,
И тоже понял, всматриваясь в след —
За ним пришли, он не ошибся, нет,
Его там ждут, за полосой прибоя;
Скорей туда — где небо голубое,
В тот край, где воздух так горяч и прян,

Где Ориноко льётся в океан!
И духи предков, властно и сердито
Заголосив на языке забытом,
К себе призвали сына своего —
И кончилось пленение его.

*

К полудню Робинзон, хватившись друга,
Примчался к взморью, бледный от испуга,
И, увидав одежду на песке,
Весь день его оплакивал в тоске.
И было невдомёк ему и прочим,
Нашедшим труп в прибое ближе к ночи,
Что Пятница, изгнанник бедный мой,
Обрёл спасенье и ушёл домой.